

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

**XIV Таврические философские Чтения
«АНАХАРСИС»**

**ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ
В СОВРЕМЕННОЙ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЕ**

Материалы всероссийской конференции

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2018

УДК 130.2:7
ББК 71.0
Ф 56

*Конференция проводится при поддержке РФФИ,
проект № 18-011-20044*

Ф 56 **Философский текст в современной текстовой культуре : материалы всероссийской конференции XIV Таврические философские чтения «Анахарсис» (Республика Крым, Судак, пос. Новый Свет, 18-20 сентября 2018 г.) // под ред.: О.В. Зарапин, Л.Т. Рыскельдиева, А.М. Тимохин, О.А. Шапиро, Е.Г. Шкорубская. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – 276 с.**
ISBN 978-5-907032-08-8

Конференция «Философский текст в современной текстовой культуре» имеет целью исследование существующих и разработку новых принципов интерпретации философских текстов. Эти принципы – основа понимания роли и места философии в современном обществе, их выработка будет способствовать эффективности текстовой коммуникации и выявлению новых практических аспектов философского дискурса. Понятие «текстовая культура» в рамках философского междисциплинарного проекта объединяет усилия исследователей в области анализа историко-философского, логического, методологического и нормативного аспектов текстовой деятельности в философии.

УДК 130.2:7
ББК 71.0

ISBN 978-5-907032-08-8

© ИТ «АРИАЛ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Как понимать философские тексты?

<i>Аникин Д. А. Тихонова С. В.</i> Медиатекст в контексте текстовой культуры: память, травмы и нормогенез	8
<i>Артамонов Д. С.</i> Философия толпы в современной медиакulturе: новые тексты и интерпретации	10
<i>Берестов И. В.</i> Интерпретация философских текстов на «аргументационных возможных мирах»	12
<i>Бургете Аяла М. Р.</i> Философские смыслы как ключ к пониманию текстов синкретического характера.....	15
<i>Василькова В. В.</i> Метафора в социальном познании	18
<i>Витушко М. В.</i> От прото-письма к письму: деконструкция следа как динамики знака в творчестве Ж. Деррида.....	21
<i>Герасименко И. А.</i> Морфология философского текста: назад к традиции – по маршруту языковых форм.....	22
<i>Гришечкина Н. В. Фахрудинова Э. Р. Чебан А. Г.</i> Игра слов как способ конституирования смысла в философском тексте	25
<i>Данилова Н. Н. Холина И. М.</i> Философские тексты и экология языка	28
<i>Душина С. А.</i> Социальные контексты текстовой деятельности.....	31
<i>Ждановский А. П.</i> Процедуры понимания философских текстов в герменевтике	33
<i>Зарапин О. В.</i> Философский текст в философской культуре.....	36
<i>Катречко С. Л.</i> Трансцендентальный поворот и специфика трансцендентального дискурса	38
<i>Корнеева Т. Г.</i> Идея «рая» и «ада» в философии Насира Хусрава.....	42
<i>Логинов А. В.</i> Социальная «диагностика времени»: А. Гелен и М. Хоркхаймер.....	44
<i>Ломовицкая В. М.</i> «Текст» в академических интернет-сетях	47
<i>Масланов Е. В.</i> «Зона обмена» как одно из условий перевода	49
<i>Мороз В. В.</i> Философско-математический синтез как специфический тип взаимодействия философии и математики	52
<i>Парибок А.В.</i> О специфике иноквицизационного философского текста	57
<i>Петрин И. С.</i> «Вечное возвращение» как способ интерпретации (Ж. Батай, Ж. Делёз, М. Бланшо).....	59
<i>Пигалев А. И.</i> Философский дискурс и динамика символической власти в межкультурных контекстах.....	62
<i>Псху Р. В.</i> Проблема перевода суфийской терминологии.....	66

<i>Рыскельдиева Л. Т.</i> Как читать философские тексты (к понятию «текстовое поведение»).....	68
<i>Савинцев В. И.</i> Время в историософских концепциях Н. А. Бердяева и Ю. М. Лотмана	71
<i>Шульга Д. П.</i> Распространение несторианского учения в Китае в контексте Шёлкового пути.....	73
<i>Шульга Д. П. Шульга А. А.</i> «Вертоград полководца»: новаторство и традиция.....	77
<i>Шульга Е. Н.</i> Герменевтика философских текстов	80
<i>Щеглов А. П.</i> Философская интерпретация метафизических смыслов на примере древнерусских текстов	83
<i>Щесняк М. Н.</i> Искренность как подлинность коммуникации	85
<i>Янпольская (Бражникова) Я. Г. Беляев А. П.</i> Воображаемая Япония в философии XX в.: Хайдеггер, Барт, Деррида	87

Учебник как формат философской текстовой культуры

<i>Антипов Г. А.</i> О чём не должен умалчивать учебник философии.....	90
<i>Балычева М. Б.</i> Проблема стратегий трансфера философских знаний	94
<i>Блохина Н. А.</i> О реализации образовательной функции философии в учебных пособиях второго уровня высшего образования Российской Федерации.....	97
<i>Бычкова Н. И.</i> Философия в жизни и деятельности. Принципы построения философского учебника для детей	101
<i>Габриелян О. А.</i> Перспективы «философского учебника»	103
<i>Докучаев Ф. А.</i> Преподавание философии как практики (рефлексивный анализ Лестера Эмбри).....	105
<i>Жалдак Н. Н.</i> Представление и использование логики естественного языка в учебнике по философии.....	108
<i>Катречко С. Л.</i> Сократический (цететический) метод преподавания философии	110
<i>Крыштон Л. Э.</i> Лекционное наследие Канта и изучение философии эпохи Просвещения в Германии	113
<i>Кузнецова Н. И.</i> «Философия» как учебный курс: смена концепта	114
<i>Любчак В. П.</i> Актуальность изучения феномена менталитет в рамках учебной дисциплины «Философия» для формирования мировоззрения студента.....	117
<i>Люрья Н. А.</i> Специфика восточного и западного менталитетов и ее отражение в социокультурных ценностях.....	119

<i>Михайлов К. А. Грачёв М. В. Учебник по философии для России XXI века: идеология, методология и технология.....</i>	121
<i>Одиноква Л. Ю. «Экологическая культура» как учебная дисциплина....</i>	125
<i>Повилайтис В. И. Технологии онлайн-обучения в российском социогуманитарном образовании: кейс PhilosoF.A.Q.</i>	127
<i>Сидорина Т. Ю. Пронина Е. Н. Философия труда от К. Маркса к З. Бауману: проблемное поле преподавания философии в XXI в.</i>	128
<i>Шапиро О. А. Стратегия преподавания курса гносеологии на философском факультете.....</i>	132
<i>Шиян А. А. Феноменология Э. Гуссерля на страницах современных учебников: проблемы и решения</i>	134
<i>Шиян Т. А. О внутренней интеграции курса современной логики</i>	138
<i>Юдина М. Е. Тексты искусства в вузовской повседневности.....</i>	141

Логический текст в философской культуре

<i>Бажанов В. А. Шевченко Т. В. Особенности интерпретации неформального текста по истории логики.....</i>	145
<i>Васюков В. Л. Логическая реконструкция философских текстов</i>	146
<i>Герасимова И. А. Логический текст в культурных рациональных традициях</i>	150
<i>Крушинский А. А. Рациональное прочтение китайского классического текста.....</i>	153
<i>Кузьмин А. А. Спекулятивная логика Гегеля в современной дискурсивной ситуации</i>	155
<i>Лисанюк Е. Н. Мазурова М. Р. Аргументация и когнитивное многообразие.....</i>	158
<i>Лобовиков В. О. Моделирование логических отношений между тремя различными видами деонтической модальности «обязательно» с помощью логического квадрата и гексагона</i>	162
<i>Малюкова О. В. Фейк как явление современной риторики</i>	167
<i>Мануйлов В. Т. Философия языка «Немецкого конструктивизма»</i>	169
<i>Михайлов И. Ф. Логика и философия в «тексте» науки: время переосмысления</i>	172
<i>Николко В. Н. Формулировка основной теоремы аристотелевской силлогистики.....</i>	175
<i>Попова В. С. Логическая культура сквозь призму философского текста: некоторые страницы русской логики</i>	177
<i>Пушкарский А. Г. Логика в философском образовании</i>	180

<i>Титов А. В.</i> Проблема использования формальных языков в моделировании задач управления сложными объектами и системами ..	183
<i>Тоноян Л. Г.</i> «Логика» Макария Пётровича: особенности логического текста	185
<i>Черноскутов Ю. Ю.</i> Язык логики «Основных законов арифметики», или неизвестный Фреге	188
<i>Шалак В. И.</i> Три парадигмы логики	191
<i>Шапиро О. А.</i> Логический текст: типология и структура.....	194

Нормативный потенциал философского текста

<i>Буряк В. В.</i> Тренд цифровой экономики России как нарратив.....	198
<i>Грива О. А.</i> Получение нового томоса Украиной в контексте церковного раскола: анализ высказываний фигурантов.....	201
<i>Данилов А. Н.</i> Этические проблемы использования цифровых инфокоммуникационных технологий в социуме	204
<i>Дидикин А. Б.</i> Лингвистическая интерпретация правовых текстов как способ познания правовой реальности	206
<i>Енилеева А. Э.</i> Правила определения понятия в эпистемологии объективизма применительно к юриспруденции	209
<i>Заякина Р. А.</i> Запрет на репродуктивное клонирование человека в зеркале философии Жана Бодрийяра	213
<i>Зильбер А. С.</i> Экологическая этика и моральная антропология: принципы И. Канта и современность	216
<i>Ковкель Н. Ф.</i> Семиотическая стратегия интерпретативного сотрудничества и проблемы выявления нормативного потенциала философских текстов.....	219
<i>Коротченко Ю. М.</i> Валюативный потенциал концепта «враг»	222
<i>Кузьменко Н. С.</i> Коннотации джихада в исследовании Агрономова А. И.	225
<i>Павлов В. И.</i> Формирование антрополого-правового дискурса в контексте восточно-христианского учения о личности.....	228
<i>Перов В. Ю.</i> «Мораль машин» или «мораль для машин»: ценностные и нормативные конфликты	231
<i>Пороховская Т. И.</i> Значение философских исследований для решения нормативных проблем в морали и праве	234
<i>Тимохин А. М.</i> Философский текст как источник права	238
<i>Фахрутдинова А. З.</i> Тексты М. Вебера в контексте формирования этики государственных служащих	240

Историческая эпистемология: тексты и контексты

<i>Антипов Г. А.</i> Объекты и смыслы в историко-научном исследовании ...	244
<i>Вархотов Т. А.</i> Мысленный эксперимент как научный метод: объективность и основания доверия	247
<i>Гавриленко С. М.</i> «Объективность» Л. Дастон и П. Галисона и современная история науки.....	251
<i>Курилович И. С.</i> К вопросу о феноменологических основаниях исторической эпистемологии А. Койре	255
<i>Майленова Ф. Г.</i> Эпистемологическая метафора как мост в бессознательное	258
<i>Соколова Т. Д.</i> Историческая эпистемология в контексте дебатов рационализм vs натурализм.....	261
<i>Столярова О. Е.</i> История объективности и ее герои.....	265
<i>Фахрутдинова А. З.</i> Модусы нормативного и дескриптивного подходов в исторической эпистемологии: потенциал, модели, текстовые источники	267
<i>Шапошникова Ю. В.</i> Историческая эпистемология как феномен современности.....	270
<i>Шиповалова Л. В.</i> Историческая эпистемология: от текстов к контекстам	273

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ¹

Объекты и смыслы в историко-научном исследовании

Антипов Г. А.

доктор философских наук, профессор

Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИНХ»

(г. Новосибирск, Россия)

УДК: 165.17

Всякое социальное действие опосредуется смысловыми структурами и находит в них свою репрезентацию. В связи с этим возникает проблема принципов и путей научного анализа проявлений социального бытия. В какой мере оправдывается универсальный опыт научной рациональности при очевидном своеобразии феномена смысла? В частности, подобного рода вопрошание инициируется потребностями разработки историко-научного дискурса.

Ключевые слова: *объект, смысл, реальность, истина, рефлексия*

Objects and meanings in historical and scientific research

Antipov G. A.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Novosibirsk state University of Economics and management «NINH»

(Novosibirsk, Russia)

Every social action is mediated by semantic structures and finds its representation in them. In this regard, there is a problem of principles and ways of scientific analysis of manifestations of social existence. To what extent is the universal experience of scientific rationality justified, given the obvious originality of the phenomenon of meaning? In particular, this kind of questioning is initiated by the needs of the development of historical and scientific discourse.

Keywords: *object, sense, reality, truth, reflection*

Некогда было сказано: «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека». Добавим к этому приобретающую ещё большую популярность фразу: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и феербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или

¹ Круглый стол «Историческая эпистемология: тексты и контексты» в рамках XIV Таврических философских чтений «Анахарсис» проходит по результатам исследований, выполненных при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы»

в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [1, с. 1].

Но вот казус, в дальнейших своих изысканиях в области истории своим заветам Маркс не последовал. Историю он положил «естественно-историческим процессом», то есть совершающейся подобно процессам природным, помимо и независимо от человеческих целей, а свою задачу – «открытием экономического закона движения современного общества». Не будет лишним упомянуть, что эти «естественные законы» общественного развития, по мнению Маркса, «осуществляются с железной необходимостью». Из всего этого выросла формационная модель человеческой истории, где смена формаций обуславливается переворотами, констатируемыми с «естественнонаучной точностью». Показательно и то, что указанная модель стала продуктом инверсии геологической модели Чарльза Лайеля, представлявшей историю Земли как историю человеческого общества.

Обратиться к этим «сказаниям давно минувших дней» представляется небесполезным в связи с современным состоянием истории науки, истории литературы и т.п., эпистемологическими проблемами, касающимися их оснований, наконец, философии науки в целом. Дело в том, что отмеченная коллизия, в том или ином виде, воспроизводится через 200 лет после рождения пресловутого *Doktor Philosophie*. Вот вполне репрезентативные иллюстрации:

«Так, анализ проблемы истины был перенесен из сферы отношений “материя – сознание”, “субъект – объект” в сферу отношения языков различного уровня. С известным основанием возможным оказывалось говорить о философской “нейтральности” этих понятий. (Именно это имело место в отношении известного семантического определения истины А. Тарским.) Тем самым возникает характерная для позитивизма вообще объективистская концепция знания, исключая активный характер человеческой деятельности в процессе познания, – концепция, нашедшая своё воплощение как в характеристике эмпирического, так и в характеристике теоретического (математического) уровней знания. Между тем понадобилось не столь уж много времени, чтобы осознать, что эта “нейтральность” является весьма относительной. Развитие тех или иных традиционно философских тем на собственно лингвистическом уровне столкнулось с целым рядом антитез, как известных из классической философии, так и относительно новых: “аналитическое – синтетическое”, “интенциональное – экстенциональное”, “формальное – содержательное”, оказавшихся не менее трудными, чем те, с которыми, казалось, справился семантический анализ” [2, с. 7].

Итак, во всех областях знания, выходящих за границы наук о природе, знания, так или иначе ориентированного на человека, возникает коллизия, выражаемая через отношение категорий «субъект – объект». Попытки вытолкнуть в дверь одного члена оппозиции приводит к тому, что он влезает через окно. И наоборот.

Скажем, Т. Кун, пытаясь отбиться от критиков и фундировать свою «Структуру», парадоксальным образом заявил, «что несоизмеримость оказывается некой разновидностью непереводимости, ограниченной областью, в которой две таксономии различаются» [3, с. 130]. Иными словами, проблему научной рациональности он перевёл в план семантического анализа. И тут же вынужден был заговорить о проблемах реализма, истины и релятивизма. Появились заявления, совершенно не вяжущиеся с его «интравертной» относительно естествознания позицией. «Хотя рациональность и релятивизм взаимосвязаны, – рассуждает он, – речь идёт, по сути, о корреспондентской теории истины, ибо именно она задаёт точку зрения, с которой мы оцениваем научные законы и теории: соответствуют ли они внешнему, независимому от сознания миру. Я убеждён, что это понятие – в абсолютной или вероятностной форме – должно исчезнуть вместе с фундаментализмом. Ему на смену должна прийти более строгая концепция истины, но не корреспондентская теория» [3, с. 134]. Хотелось бы спросить: не Тарского ли?

И именно у Куна можно обнаружить определённые «стрелочки», указывающие на места, где искать разъяснения для упомянутых коллизий. Известно, что в своей «постреволюционной» исследовательской практике он то подходил, как говорят, к принятию «вещи в себе», то отвергал это понятие, то вновь шёл в обратном направлении. Но зададимся вопросом: что, собственно, это такое – Ding an sich? В существующем философском дискурсе до сих пор присутствует определённое искажение в толковании данного концепта. Вещь в себе – это идеальный объект, то, что в конкретных науках выглядит как «абсолютно твёрдое тело», «точка», «экономический человек», «социальный институт» и т. п. До сих пор, однако, господствует вульгаризация кантовского *transzendent* в духе агностицизма. Спросим, нужно ли особо доказывать, что ни «абсолютно твёрдое тело», ни «точка», ни «экономический человек» не могут быть даны в чувственном опыте, существуют за его экраном, но существуют объективно?

Печально, но до сих пор существует фундаментальная путаница с понятиями: «реальность», «вещь», «объект», «сознание», «познание», «самопознание» (рефлексия). Различение вещей самих по себе и вещей для нас имеет смысл лишь для эпистемологии науки (Канта волновал вопрос: как возможно теоретическое естествознание!). Это план рефлексии, а не познания в собственном смысле. Для самой рефлексии фундаментальным различием служит оппозиция «Я» и «не-Я», иначе говоря, реальности, существующей вне и независимо от мыслящего субъекта. Рефлексия ориентирована не «вовне» относительно мыслящего, а на продукты его мышления. Гносеологическое (методологическое) основание науки полагает и должно полагать реальность адресатом мышления, в то время как адресатом рефлексии становится само мышление. Характерная особенность мифа – отсутствие данной разнонаправленности векторов. Их разведение – дело философии. Философия и возникает как форма демифологизации культуры, как порождающая структура рационального мышления. Разнонаправленность

указанных позиций исторически получила идентификацию в категориях «материального» (материи) и «идеального» (души). Научная рациональность возникает тогда, когда в природной реальности выделяются относительно деятельности субъекта константные, независимые от деятельности и её задач аспекты реальности. Они-то и были Кантом обозначены «вещами самими по себе». Экспликация подобных констант (объективных законов) и была осознана в качестве идеала науки.

В этом контексте и появляется корреспондентская теория истины, адекватная научной рациональности точно так же, как и материализм. Аберрация появляется в ситуации переноса требований научной рациональности в измерение рефлексии. Здесь эта теория оказывается неадекватной по самой своей сути. Мир рефлексии – это мир смыслов, мышление – оперирование с ними. Однако и здесь, в деятельности со смыслами обнаруживаются некие константы – аналоги законов «природы». Это законы логики. Там, где отношения смыслов переносятся в план человеческого поведения, возникает представление о «максимах», «нормах», «законах». Например, закон спроса и предложения. Социальные науки, соответственно, конституируются лишь тогда, когда исследование этих «законов» осознаётся в качестве их идеала.

Показательна характеристика «молчаливого большинства» у Жана Бодрийяра: «ни субъект, ни объект», ибо «это пучина, в которой исчезает смысл» [4, с. 191].

Литература

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2. –Т. 3. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 1–4.
2. МулудН. Анализ и смысл. – М.: «Прогресс», 1979. – 347 с.
3. Кун Т. После «Структуры научных революций». – М.: АСТ, 2014. – 443 с.
4. Ясперс К. Бодрийяр Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.

Мысленный эксперимент как научный метод: объективность и основания доверия¹

Вархотов Т. А.

кандидат философских наук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
(г. Москва, Россия)

УДК 165.1

В докладе рассматриваются исторические причины изменения эпистемологического статуса экспериментального знания в период формирования науки Нового времени, а также вскрываются эпистемологическое

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы»

основания современных дискуссий о статусе мысленного эксперимента, анализируются отношения «мысленного» и «материального» эксперимента, обсуждаются причины доверия к мысленному эксперименту как научному методу.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, эпистемология, методология науки

Thought Experiment as scientific method: objectivity and the reasons to trust

Varkhotov T. A.

*Candidate of Philosophical Sciences
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)*

I observe the historical causes of the change in the epistemological status of experimental knowledge during the formation of modern science, as well as draw the attention towards the epistemological foundations of modern discussions about the status of a mental experiment, analyze the relationship between the "mental" and "material" experiments, discuss the reasons for trust to the thought experiment as a scientific method.

Keywords: Thought Experiment, epistemology, methodology of science

В ряду научных методов мысленный эксперимент занимает особое место, являясь важным «мостом» между эпистемологией Нового времени и предшествующими формами интеллектуальной культуры. При этом, будучи активно обсуждаемым в контексте методологии науки (в особенности, в связи с методологией общественных наук, где возможности использования «классического», материального эксперимента существенно ограничены), в качестве опосредующего звена между «научной» и «донаучной» эпистемологией мысленный эксперимент анализируется сравнительно редко и остается сильно недооцененным.

Известно, что идея эмпирического обоснования знания и опора на эксперимент как ключевой метод доступа к предмету познания являются важнейшими особенностями эпистемологии Нового времени. Общим местом также является категорический отказ предшествующих форм интеллектуальной культуры от доверия эмпирическим методам познания и существенное ограничение их применимости ввиду принципиальной неспособности давать надежные объективные результаты (знание, превосходящее по степени всеобщности и устойчивой воспроизводимости «мнение»). Таким образом, кардинальное изменение эпистемологического статуса опыта (деиндивидуализация и наделение экспериментального знания признаками всеобщности и необходимости, со временем сформировавшие эпистемический

идеал «объективности») оказывается одной из ключевых проблем формирования научной эпистемологии и в этом качестве требует объяснения.

Не менее важной, хотя, на первый взгляд, и существенно более частной проблемой является статус мысленного эксперимента, который, с одной стороны, оказывается одним из наиболее неопределенных научных методов [1], а с другой стороны, активно применяется как в естественных, так и в общественных науках, и в методологии этих последних рассматривается некоторыми влиятельными исследователями в качестве частичного [2] либо полнофункционального [3] эквивалента материального эксперимента. При этом все участники дискуссий вокруг методологического статуса мысленного эксперимента в полной мере отдают себе отчет о ключевых отличиях мысленного и материального эксперимента, – в частности в том, что в случае материального эксперимента модельный и выступающий объектом предметы совпадают по материальной организации (изотоп в ускорителе и в «реальности» одинаковы по материальной структуре), а в случае мысленного эксперимента субстанции из которых собраны «экспериментальная система» и «реальность» совершенного различны. Однако это различие представляется большинству исследователей «частным», а сходство в контроле над условиями и использовании редуктивных процедур для формирования модельного объекта гораздо более существенным [4].

Наша гипотеза состоит в том, что особенности трактовки статуса мысленного эксперимента в современной методологии общественных наук имеют те же причины, что и трансформация эпистемологического статуса экспериментального знания в период XVI-XVII вв., лежащая в основе современной интеллектуальной культуры. За эту трансформацию отвечают три исторических сюжета, берущих своё начало в различные периоды истории европейского средневековья:

1. Формирование под влиянием христианской мистики новой концепции опыта – опыта откровения, дополнившего более старый взгляд на опытное знание как на результат работы органов восприятия человека. В отличие от обычного чувственного опыта, опыт откровения, сохраняя все характерные черты опытного знания (локальность, наличие индивидуально-чувственной основы и т. п.), обладает характеристиками всеобщности и необходимости, поскольку откровение сообщает Истину.

2. Создание университетов и постепенное появление благодаря их деятельности совершенно нового слоя светской интеллигенции – амбициозных людей без определенного социального места, вынужденных в виду особенностей своего положения в системе культуры европейского средневековья искать индивидуальную «точку опоры» в реальности, что привело к увлечению магией и развитию гипертрофированного интереса к возможностям манипулирования действительностью (в частности, ручного вмешательства в работу природных объектов и процессов).

3. Развитие в живописи теории перспективы и непосредственно связанное с ним открытие многообразия способов видения одного и того же

объекта, что послужило отправной точкой для формирования реляционной онтологии и изменения статусов наблюдателя и наблюдаемого в качестве взаимозависимых участников воспроизводства «картины миры», всегда строго связанной с реальностью, но никогда не отражающей ее непосредственно.

Мысленный эксперимент, наследующий средневековой концепции откровения (что очень хорошо видно в эпистемологии XVII в., для создателей которой – при всех очень существенных различиях между ними, напр., Декартом и Ньютоном, – умозрение является опытом, а экспериментальный и математический порядки с необходимостью совпадают), для творцов науки Нового времени был полноценным заместителем эксперимента материального, – возможно, все еще даже более полноценным, чем сам этот материальный эксперимент. На рубеже XIX–XX в. Э. Мах, впервые тематизировавший мысленный эксперимент в качестве проблемы методологии науки [5], укажет, что для Галилея и созданной им традиции мысленный эксперимент столь же достоверен, как «настоящий», материальный, эксперимент, потому что использует материал многочисленных материальных экспериментов, – т. е., по сути, является не самостоятельным методом, а средством работы с результатами экспериментального знания. Однако для самого Галилея основанием надежности мысленного эксперимента был вовсе не материальный эксперимент (как это станет для естествознания классической эпохи, глазами которого на эту проблему смотрит Э. Мах), а тот – несомненный и естественный для Галилея – факт, что «книга природы написана языком математики». Действительно, если умозрение и эксперимент, в конечном счете, открывают в точности одно и то же, и всеобщность и необходимость вписаны в сам материальный порядок, то умозрение имеет ряд преимуществ, а по сути работает так же. Условный Галилей (традиция XVII в.) действительно не различает мысленный и материальный эксперимент, но не в том смысле, который этому факт придал Э. Мах («мысленный эксперимент всегда строго основан на результатах и структуре материальных экспериментов»), а в смысле опыта откровения: то, что видится ясно в ясном свете разума (Декарт) есть то же самое, что открывается в инженерной магии искусственно извлеченных (изолированных) экспериментальной практикой природных механизмах.

Современная эпистемология мысленного эксперимента питается той путаницей, которая возникла из несоответствия рецепции и предмета рецепции, расхождение между которыми, в свою очередь, стало следствием изменений в статусе и форме существования научного знания XVII и XIX столетий, между которыми лежала эпоха Просвещения, избавившая эпистемологию Нового времени от ее исторических корней.

Литература

1. Brown J. R. The Laboratory of the Mind. – L.:Routledge, 1991. – 192 p.

2. Morgan M. Experiments versus models: New phenomena, inference and surprise // Journal of Economic Methodology. – 2005. – 12:2, June. – P. 317–329.
3. Мяки У. Модели и эксперименты – это одно и то же // Вопросы экономики. – 2009 – №11. – с.81–90.
4. Вархотов Т. А., Кошовец О. Б. Эпистемологический статус моделей и мысленных экспериментов в экономической теории // Вопросы экономики. – 2015. – №2. – С. 5–21.
5. Мах Э. Познание и заблуждение. – М.: Бином, 2003. – 456 с.

«Объективность» Л. Дастон и П. Галисона и современная история науки¹

Гавриленко С. М.

кандидат философских наук, доцент

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

(г. Москва, Россия)

УДК 165

Рассматривается набор связей между одной из главных и влиятельных современных работ в области исследований науки, «Объективностью» Л. Дастон и П. Галисона, и историей науки как исследовательской дисциплины. Показывается, что «Объективность» является выражением основной тенденции истории этой дисциплины: история истории науки есть ряд умножений и перераспределений исследовательских объектов и мест.

Ключевые слова: история наука, множественность, практики.

«Objectivity» of L. Daston and P. Galison and contemporary history of science

Gavrilenko S. M.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

Theses deal with the set of connections between one of the most influential work in contemporary field of science studies («Objectivity» by L. Daston and P. Galison) and history of science as research discipline. «Objectivity» is expression of the main tendency in history of this discipline: history of history of science is series of multiplications and redistributions of research objects and places.

Keywords: history of science, multiplicity, practices.

«Объективность» Лоррейн Дастон и Питера Галисона, опубликованная в 2007 году, уже стала неотъемлемой частью исследовательского ландшафта истории науки, формируя и определяя его сложную и нелинейную

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы»

динамику. История науки (как исследовательская дисциплина) сама имеет историю, и «Объективность» является выражением одной из главных ее тенденций: история истории науки – это серия умножений и перераспределений.

Начавшись как апологетический проект по сбору исторических фактов в поддержку представления о единой, западной и современной, или современной науке, противопоставленной своим неудачным предшественникам и аналогам, и исторических свидетельств ее неуклонного и неизбежного прогресса, история науки достаточно быстро (а вместе с ней различные проекты социального исследования науки) приходит к радикальному утверждению временной и пространственной множественности наук, одновременно осуществляя подрыв философских метатеорий и метанарративов о Науке.

Первым *множителем* образа науки стал язык, обнаружившийся в самом сердце научных теорий и разбивший западную современную науку на парадигмы, в основе которых лежали теоретические конструкции. Несоизмеримость и непереводаемость теорий задавала края этих «континентов» и неустранимость дистанции между ними. Образцы такого умножения – парадигматический подход Куна и методологический анархизм Фейерабенда. Фрагментация и расширение географии и хронологии исследований усиливались благодаря союзу языка с историзмом, специфическая версия которого была благословлена Куном.

Но язык как множитель еще сохранял исконную связь с представлением (теорией), тем элементом, который различала в науке философия. Для классической эпистемологии и философии наука – автономный логический порядок пропозиций. Исследовать науку с философской точки зрения – значит спрашивать об условиях (трансцендентальных или трансцендентных) этого порядка. Но эмпирически наука не сводима к этому порядку. Для истории наука перестает быть рядом сменяющихся друг друга теорий (даже если эта смена уже не регулируется внутренней телеологией и универсальной причинностью¹). Наука становится множеством эмпирически различимых фактических режимов существования. История науки в сравнении с философией науки перераспределила исследовательские места (т. е. места, где наука себя обнаруживает), умножила их и произвела новые.

Подобный демарш стал возможным благодаря введению в историю науки еще более радикального множителя, дополнившего язык, – материальных практик. Исследования по истории науки делали все более очевидным, они не являются просто приложением или фоном, оттеняющим те или иные аспекты сложившихся независимо от них идей и теорий. Когда историки науки вышли за пределы поверхностей, на которых наука оставляет свои письмена и которые долгое время служили невидимой опорой для всех

¹ Эмпирически мотивированный отказ от универсалий – принципиальный жест современной истории науки. Ср. [1, 117] и [2, 111].

возможных форм ее рациональной реконструкции, и переместились в лаборатории, лекционные залы, конференции, мастерские, соборы¹, строительные и экспериментальные площадки, переведя взгляд с идей, высказываний и норм на конкретные практики (способы делания науки) и материальные устройства, прежние границы оказались проницаемыми, а научные «континенты» – вовсе не монолитными. Прежнее многообразие усилилось и расцвело, будучи пересаженным на плодородную почву эмпирического. Рабочий стол истории науки заполнялся отдельными эпизодами и практиками, но они не складывались, подобно элементам пазла, в единую картину. Обзоры с высоты птичьего полета утратили свою привлекательность и интеллектуальную респектабельность. Открывающиеся новые многообразия уже было затруднительно, если не невозможно, подвести под какое бы то ни было понятийное единство. Вопрос о том, какие формы понятийного единства могли бы соответствовать многообразиям, умножаемым историей науки, в ситуации, когда прежние фигуры тождества были дисквалифицированы, а любой инвариант оказывался не более чем исторической локальностью, остается открытым, однако «Объективность» предлагает нам один из наиболее интересных путей решения этого вопроса.

Практики рассекли историческую протяженность науки на множество переплетавшихся между собой целостностей разной длительности и динамики, подобных волокнам в канате. Даже наука, которая делается здесь и сейчас, оказалась разделенной материальными практиками, приверженностью разным техникам и инструментам, а также разным эпистемическим добродетелям. Полнота, точность, единство, сообщаемость, объяснение, предсказательность, квантифицируемость и иные привычно приписываемые западной современной науке добродетели вовсе необязательно существовали всегда и сцепленными друг с другом, а, напротив, возникали и исчезали, выходили на первый план или становились второстепенными, меняли свой смысл вплоть до противоположного (это один из главных тезисов, который будет обосновываться в «Объективности»). В свою очередь, и исследовательские устройства, сцепленные с соответствующими практиками и теориями, разделяли ученых на противостоящие сообщества в рамках одной дисциплины.

Практики – проводники, которые вели исследователей в самые неожиданные и удаленные во времени и пространстве места, пересекали границы – исторические, дисциплинарные, парадигмальные. Следование за практиками раскрывало сходства дисциплин, считавшихся предельно далекими, и радикально перекраивало привычные дисциплинарные и предметные картографии. Эти новые картографии науки подкреплялись выявлением связей с внешним – с тем, что к науке никогда не относилось. Практики сшивали прежде автономные науки с их контекстами, формируя не поддающуюся

¹ См., например, описание Дэвида Тернбула строительной площадки готического собора как средневекового *Laboratirium*-а [3].

распутыванию сеть. Становилось ясно, что способы делать науку неотделимы от других способов делания и познания. В плоскости практик границы между науками и тем, что науками не считалось, постепенно теряли четкость и, прежде всего, убедительность. Практики прочерчивали маршруты, которые выводили историков науки в совсем другие сферы, тем не менее, связанные с познанием и знанием.

Множество исследовательских масштабов, множество рабочих исследовательских объектов (научных приборов, научных сообществ и институций, техник наблюдения и экспериментирования, эпистемических добродетелей, непропозициональных форм представления, языков, научных «самостей»), множество устанавливаемых связей, множество эмпирически фиксируемых разрывов, множество способов исследовать науку (и знание) и рассказывать эпистемологические истории, варьирующиеся от микроисторий до «историй больших длительностей». Множественность – это и эмпирическая очевидность, и исследовательский императив истории науки как дисциплины, которому строго следует «Объективность»¹.

«Объективность» Дастон и Галисона – это масштабный ответ на вопрос, что значит исследовать науку и писать ее историю в условиях, когда сами дисциплинарные практики исследования лишают ее универсальных специфицирующих свойств, когда дисциплина отказывается видеть в своем титульном объекте некоторую вневременную сущность, по отношению к которой выделяемые эмпирические конфигурации являются не более чем вариантами в пределах структурного типа, когда базовой модальностью, характеризующей существование объекта, является контингентность. «Объективность» – это образцовый труд по истории науки, образцовый в смысле показа самого способа исследовательской работы в дисциплине. За редкими (но важными) исключениями дискурс «Объективности» не удваивает себя в актах методологической рефлексии. Ее метод – это скорее пройденный исследовательский путь, а не способ нормативного регулирования. Текст книги – запись этого пути и, одновременно, карта чрезвычайно сложного исследовательского ландшафта, который населяют и в котором действует множество различных (в том числе нечеловеческих) персонажей, о которых ничего не знала официальная философия науки.²

Литература

1. Daston L. History of Science without Structure // R. J. Richards and L. Daston (eds.). Kuhn's Structure of Scientific Revolutions at Fifty. Reflections on a Science Classic. – Chicago: Chicago University Press, 2016. – 208 p.

¹В историю наука как выделенную исследовательскую дисциплину вписан своеобразный структурный парадокс. Исследовательская динамика истории науки ведет к постоянной утрате определенности предметом («наукой») этой дисциплины. И эта утрата – следствие ее собственных результатов и достижений. Поэтому Л. Дастон всерьез ставит вопрос о том, не следует ли теперь говорить об истории знания, частным примером которой является история науки[4].

²Мы хотели бы выразить самую искреннюю благодарность Александру Писареву за возможность сделать ряд высказанных здесь замечаний.

2. Galison P. Ten Problems in History and Philosophy of Science / *Isis. A Journal of the History of Science Society*. – 2008. – Vol. 99 № 1. – P. 111–124
3. Turnbull D. *Masons, Tricksters and Cartographers: Comparative Studies in the Sociology of Scientific and Indigenous Knowledge*. – London: Routledge, 2003. – 276 p.
4. Daston L. *The History of Science and the History of Knowledge //KNOW: A Journal on the Formation of Knowledge*. – 2017. – vol.1, №1. – 1–25.

К вопросу о феноменологических основаниях исторической эпистемологии А. Койре¹

Курилович И. С.

*кандидат философских наук, научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет
(г. Москва, Россия)*

УДК 165.1

Автор утверждает, что в основании интерналистской исторической эпистемологии А. Койре, лежат не только неорационалистические принципы Л. Брюнсвика и Э. Мейерсона, но и в значительной мере – более ранние его занятия феноменологией у Э. Гуссерля и А. Райнаха в Гёттингене, что позволяет заявлять о феноменологически-ориентированной исторической эпистемологии Койре.

Ключевые слова: эпистемология, феноменология, Александр Койре, Адольф Райнах

On the question of the phenomenological basis of historical epistemology of A. Koyré

Kurilovich I. S.

*Candidate of Philosophical Sciences, Researcher
Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russia)*

The author argues that in the basis of A. Koyré's internalist historical epistemology there are not only neo-rationalistic principles of L. Brunswick and E. Meyerson, but there too Koyré's earlier studies of the phenomenology of E. Husserl and A. Reinach in Göttingen play an important role. This allows the author to declare the phenomenologically-oriented historical epistemology of Koyré.

Keywords: epistemology, phenomenology, Koyré, Reinach

Александр Койре как философ и историк науки использовал интерналистскую историческую эпистемологию, которая во многом наследовала неорационалистические принципы, почерпнутые преимущественно у

¹Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-311-00282 "Рациональность в гуманитарных науках: теоретические противоречия и дисциплинарная практика"

Брюнсвика и Мейерсона [1]: критический по отношению к позитивизму отказ от приоритета опыта, так как он всякий раз дан в виде опытного знания, имеющего теоретическую, методологическую оформленность; историзацию форм знания, вписывание форм знания в социокультурный контекст, и следующий из этого эпистемологический интерес к ненаучным формам знания как протонаучным; наконец, смещение, относительно картезианства, внимания с идеи или сущности к структуре или организации формы знания, при котором «вечные идеи» приобретают исторически определенную вариативность, сохраняя позицию в рамках структурного инварианта. Койре начал писать свои ключевые работы в Париже, а после Второй мировой войны – между Парижем и Принстоном. Тогда он сформулировал основные понятия своей эпистемологии, среди которых «философские рамки» (*cadres philosophiques*) и «ментальная установка» (*attitude mentale*) – понятия, которые не раз сравнивали с возникшими позже «парадигмой» Куна, «эпистемологическим профилем» Башляра или «эпистемой» Фуко. Однако обращение к философским занятиям Койре у Гуссерля в Гёттингене, к биографическим данным и свидетельствам позволяет заявлять о феноменологически-ориентированной исторической эпистемологии Койре (см. предварительное рассмотрение данного вопроса в [2]).

Говоря о феноменологических основаниях эпистемологии Койре, заметим, что биографический факт вхождения Койре в геттингенский круг Гуссерля и заявления основателя феноменологии о Койре как о феноменологе «телом и душой» [цит. по 3, р. 167] не сняли в литературе вопроса о том, был ли он действительно феноменологом [4]. Но сколь бы ни ставилось под сомнение место Койре в феноменологии, узнавание феноменологии в его эпистемологии не представляется сложной задачей. Сам Койре признавался в «глубоком влиянии Гуссерля», который-де привил Койре «платонистский реализм», «антипсихологизм и антирелятивизм», научил «позитивному подходу к истории, интересу к греческому объективизму и средневековой мысли, к интуитивному содержанию кажущейся чисто концептуальной диалектики, к историческому – и идеальному – конституированию систем онтологии» [5, с. 242]. Однако, как показали Шпигельберг и Шуман [3, с. 158], за именем Гуссерля скрывается имя Адольфа Райнаха. Так «платонизм» вместе с интересом к антиномиям теории множеств, проблемам дискретности и континуальности, парадоксам вечного двигателя и отношениям конечности и бесконечности, занимавшим столько места и в диссертации, и в последующих работах Койре, может восходить к курсу Райнаха от 1910 г. «Философия Платона и современные эпистемологические проблемы». Отчасти, Койре это и сам признает, посвящая Райнаху «Заметки о парадоксах Зенона» [6, с. 9].

Сравнение взглядов Райнаха и Койре подтверждают представленные выше косвенные доводы. Так, у Райнаха мы читаем о новом понимании «проблемы познания» при «сущностном рассмотрении» или «сущностном анализе» исторического материала как «самих вещей», которые открывают

«законы» должного, стоящие над чувственной фактичностью сущего и высвечивающие «структуру» не только психологии, права, этики и эстетики, но, что особенно важно нам при обращении к Койре, структуру естествознания [см. 7, с. 360, 368, 375]. Когда Койре возвращается в Париж, он сначала на материале немецкого мистицизма и идеализма, а затем новоевропейской науки открывает в «философских рамках» искомое Райнахом «необходимое Так-быть-должно (So-Sein-Müssen) и, в соответствии с сущностью, Иначе-быть-не-может (Nicht-Anders-Sein-Können)» [7, с. 368]. Под рамками здесь понимаются универсальные и общие для разных мыслителей (мистиков, философов, ученых) онтологические структуры и логико-дискурсивные ходы. При этом принципиальным является их феноменологическое усмотрение и дескрипция не как наследуемых одним мыслителем от другого – для такого наследования во множестве случаев, как, например, в случае Николая Кузанского и Гегеля, нет оснований, а в случае Бёме и Гегеля сомнительно до берлинского периода. То есть речь всякий раз не о генеалогии, но о феноменологии, а вместе с тем, о взаимно заменимых вариативных дескрипциях – переводе с языка одного мыслителя на язык другого, более развитый для выражения инвариантных «рамок». Так у Койре мы встречаем концептуальный внутриязыковой перевод с рассуждений Бёме о Боге на спекулятивный язык Гегеля, а затем с языка Гегеля на язык Хайдеггера.

Дискуссионным остается следующий вопрос: являются ли совпадением найденные пересечения взглядов Койре 1920-60-хх гг. с его увлечением курсами Райнаха в 1910-12 гг.? По мнению Д. Н. Дроздовой¹, автора лучшей на сегодня диссертации на тему эпистемологии Койре, нет необходимости искать истоки зрелой концепции в ученичестве – оно вполне могло остаться пройденным этапом, багажом, к которому мыслитель так и не обратился, но оказался всецело обязанным своими новым французским учителям. Однако, и в этом нам видится дополнительный аргумент в пользу наследования его эпистемологией феноменологических оснований, Койре не оставляет феноменологию после приезда во Францию. Он не только способствует ее укоренению на новой почве, но также сопоставляет гуссерлевской феноменологией (что значит и со взглядами Райнаха) собственные работы², а также «Феноменологию духа» Гегеля и в этом контексте подготавливает идею феноменологии Гегеля–Гуссерля–Хайдеггера.

Литература

1. Дроздова Д. Н. Интерпретация Научной революции в работах Александра Койре: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2012. – 247 с.

¹ Мнение прозвучало во время дискуссии на международной конференции «Философия и наука проблемы соотношения. Алёшинские чтения – 2016», Москва, РГГУ, 7–9 декабря 2016 г.

² Как замечает А. В. Ямпольская, косвенным свидетельством того, что Койре считал свои работы по истории мысли, в данном случае мистической, обязанными феноменологии, служит то, что центральную главу монографии о идее Бога у Бёме он представил для публикации к сборнику учеников Гуссерля к 70-летию учителя (См. [8, с. 207]). Феноменологичность исторического подхода Койре как в довоенный, так и в послевоенный период отстаивал и его геттингенский товарищ – Жан Геринг.

2. Курилович И. С. Койре и феноменология Райнаха – Гуссерля – Гегеля // Философия и наука проблемы соотношения. Алёшинские чтения – 2016 Материалы международной конференции. Москва, 7–9 декабря 2016 г. – М.: РГГУ. 2016. – С. 158–164
3. Schuhmann K. Koyré et les phénoménologues allemands // Redondi P. (ed.). Science: The Renaissance of a History. History and Technology. – 1987. – № 4. – P. 167
4. Jorland G. Koyré phénoménologue? // Vinti C. (ed.). Alexandre Koyré: l'avventura intellettuale. – Naples: Edizioni Scientifiche Italiane, 1994. – P. 105–126.
5. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение / Пер. с англ. под ред. М. Лебедева и О. Никифорова. – М., 2002. – 680 с.
6. Koyré A. Études d'histoire de la pensée philosophique. – Paris: Gallimard, 1971. – 368 p.
7. Райнах А. О феноменологии / пер. с нем. В. А. Куренного // Логос 1991-2005. Избранное. В 2-х тт. – Т. 1. – М., 2006. – С. 355–379
8. Ямпольская А. В. Феноменологический метод и его границы. От немецкой к французской феноменологии: дис. ... доктора филос. наук. – РГГУ: Москва, 2013. – С. 207

Эпистемологическая метафора как мост в бессознательное¹

Майленова Ф.Г.

доктор философских наук
Институт философии РАН
(г. Москва, Россия)

УДК 165.1

Примером взаимопроникновения философии и практической психологии является эпистемологическая метафора (автор термина – американский психотерапевт Д. Гроув). Работа с метафорами использует возможность языка кодировать с помощью образов скрытую в пространстве бессознательного травмирующую информацию и прорабатывать ее. Этот метод имеет строгую логическую структуру, которая помогает терапевту сориентироваться в недифференцированном потоке сознания клиента и вычлнить те элементы, которые явились ключевыми в травмирующем опыте. Однако для того, чтобы получить доступ к этой информации и донести ее до сознания, необходимо умение переводить язык образов на язык понятий. Специально разработанные эпистемологические вопросы, которые надо задавать по строго разработанному алгоритму, позволяют построить терапевтическую метафору и сделать процесс исцеления возможным. Однако терапевту важно помнить, что он не должен допускать «загрязнения» терапии и языка своими шаблонами и мнениями, стараясь максимально строго соблюдать правила «чистого языка».

Ключевые слова: междисциплинарность, эпистемологическая метафора, философия и психотерапия, чистый язык, проблема понимания, трансфер знаний и практик.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-011-01082

Epistemological metaphor as a bridge to the unconscious

Maylenova F. G.

*Doctor of philosophical science,
Institute of Philosophy of RAS
(Moscow, Russia)*

The example of interpenetration of philosophy and practical psychology is the epistemological metaphor (author of the term - American psychotherapist David J. Grove). Working with metaphors makes use of the ability of the language to encode with the help of images of the traumatic information hidden in the space of the unconscious and to work it out. This method has a strict logical structure that helps a therapist to orient in the client's undifferentiated flow of consciousness and to isolate those elements that were keys to the traumatic experiences. However, in order to gain access to this information and bring it to consciousness, it is necessary to translate the language of images into the language of concepts. Specially developed epistemological questions that must be asked according to the strictly developed algorithm allow to construct a therapeutic metaphor and make the healing process possible. However, it is important for the therapist to remember that he should not allow "contamination" of therapy and language with his templates and opinions, trying to follow the rules of "clean language" as strictly as possible.

Keywords: interdisciplinarity, epistemological metaphor, philosophy and psychotherapy, clean language, problem of understanding, transfer of knowledge and practices.

Эпистемология как наука, изучающая процесс мышления и понимания, является наиболее близкой к «зоне обмена» (П. Галисон) между философией и практической психологией. Примером такого плодотворного обогащения и взаимопроникновения философии и практической психологии является эпистемологическая метафора (автор термина – американский психотерапевт Д. Гроув).

Психотерапия – исцеление словом

Психотерапевт работает словом, используя способность слова не только отражать внутренний мир человека, но и менять его, помогать справляться с болью, исцелять. Однако неверно понятое или не так сказанное слово способно повести терапевта по ложному пути и не только не решить проблему пациента, но и нанести тому дополнительную травму. Для улучшения качества терапевтического общения важно, кроме специальных психологических навыков, умение правильно пользоваться языком, задавать нужные вопросы и внимательно слушать ответы. Особенность психотерапевтического общения также в том, что язык выступает не просто как средство общения, а инструмент, позволяющий получить доступ в бессознательное, в ту область человеческого «Я», где информация существует в виде образов, телесных ощущений и где хранятся воспоминания о всех прошедших событиях: как самые болезненные, травмирующие, так и самые счастливые

и вдохновляющие. Работа с метафорами использует возможность языка кодировать с помощью образов скрытую в пространстве бессознательного травмирующую информацию и прорабатывать ее.

Логика построения эпистемологической метафоры

Специально разработанные эпистемологические вопросы, которые надо задавать по строго разработанному алгоритму, позволяют построить терапевтическую метафору и сделать процесс исцеления возможным. Этот метод имеет строгую логическую структуру, которая помогает терапевту сориентироваться в недифференцированном потоке сознания клиента и выделить те элементы, которые явились ключевыми в травмирующем опыте.

В качестве теоретической базы используется способность человеческого тела отражать и фиксировать эмоциональные переживания в виде ощущений – любая сильная эмоция, особенно негативная и травмирующая, помнится в теле и, если ситуация не разрешилась, «живет» либо в виде мышечного напряжения, либо более неясного происхождения, либо защитной блокировки эмоциональности в целом.

Терапевт ищет расположение симптома в пространстве тела человека, помогая ему специальными вопросами, и далее работает с этим ощущением, уточняя, конкретизируя и локализуя его в пространстве. Как только ощущение начинает представляться в виде образа (например, головная боль в виде твёрдого тесного обруча или горячей точки), терапевт приступает к следующему шагу, обращаясь к творческому мышлению клиента, задавая вопросы к прилагательным (например, «горячее – как что?» или «твёрдое тесное – как что?»). Поочередное сопровождение клиента в пространство творческого мышления с нагружением его рации и далее возврат его к ощущениям в теле создаёт динамический транс, который запускает процесс переработки травмирующей ситуации из прошлого. Так, опираясь на ощущения в теле и запуская изменения через полилог языков: тела, образов и вербального языка рационального мышления, метод эпистемологической метафоры позволяет понять и использовать символические послания из бессознательного как ресурс. Однако для того чтобы получить доступ к этой информации и донести ее до сознания, необходимо умение переводить язык образов на язык понятий.

Ответственность терапевта и понятие «чистого языка».

Многие терапевты попадают в так называемую «эпистемологическую ловушку» и совершают большую (увы, типичную) ошибку – руководствуются в интерпретации состояния клиента своим собственным опытом, полагая, что они «узнали» типическую проблему и поэтому им уже «известно», что нужно делать. Кроме утраты истины, которая могла бы подарить ясность видения при более внимательной коммуникации, для процесса терапии это чревато ещё и потерей возможности исцеления, суть проблемы может опять потеряться, уйти вглубь. Впоследствии симптом может вернуться, порой даже усилиться.

Разумеется, психотерапевты поступают так не по злему умыслу, а из-за инерции мышления, которая свойственна всем людям (свойство мозга

быстро находить соответствие нового опыта уже имеющемуся) и проявляется в размещении новой информации в кластере «подобное=известное». Вследствие этого и появляются преждевременные оценки, торопливые и неглубокие выводы и суждения, которые строятся, учитывая лишь часть новой информации, опуская и теряя остальное.

Психотерапевту важно помнить, что он не должен допускать «загрязнения» терапии и языка своими шаблонами и мнениями, стараться строго соблюдать правила «чистого языка». Чистота языка означает, что терапевт в коммуникации с клиентом должен использовать язык клиента, стремясь не добавлять от себя ничего: при построении метафоры он берет лишь те слова и понятия (не заменяя их на похожие), с теми же интонациями, как их использовал клиент. Именно это предельно чистое отзеркаливание языка клиента позволяет максимально точно отразить внутреннее пространство клиента, обойти его сопротивление и создать состояние динамического транса.

За пределами психотерапии

Эпистемологические вопросы, разработанные Д. Гроувом для психотерапии, можно рассматривать как упражнение для отработки навыка «чистого мышления», которое необходимо как для философских исследований, так и для улучшения качества дискуссий, профессиональной, деловой и межличностной коммуникации.

Умение слышать именно то, что говорит собеседник, не домысливая за него и не приписывая ему собственные чувства, стремление удерживать состояние незнания, поиск, вопрошание – навык, способный разрешить или предотвратить большую часть межличностных конфликтов.

Таким образом, взаимообмен между психотерапией и философией состоит в том, что не только философия обогащает психотерапию теоретическими знаниями в области сознания и мышления, но и психотерапия «возвращает долг» в виде практик, позволяющих философской рефлексии стать более эффективной.

Историческая эпистемология в контексте дебатов рационализм vs натурализм¹

Соколова Т. Д.

*кандидат философских наук
Институт философии РАН
(г. Москва, Россия)*

УДК 14

Историческая эпистемология как специфическая философская дисциплина формируется в начале XX века во Франции и самоопределяется в

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы»

качестве «философской рефлексии над историей науки»[1, с. 931]. Гастон Башляр, один из основателей этого проекта, ставил задачей «реформировать» классический рационализм Декарта и Канта, полагая, что тот не в состоянии объяснить феномен бурно развивающейся науки XX века. В контексте современных дебатов в рамках аналитической философии дилемма рационализм vs натурализм постулируется У. Куайном и его проектом натурализованной эпистемологии. В настоящем докладе историческая эпистемология рассматривается в качестве одного из потенциальных аргументов в защиту рационалистических эпистемологий против натурализации философского исследования познания.

Ключевые слова: историческая эпистемология, рационализм, натурализм, философия науки

Historical epistemology in the context of rationalism vs naturalism debate

Sokolova T. D.

Candidate of philosophical sciences

Institute of philosophy RAS

(Moscow, Russia)

As a peculiar philosophical discipline, historical epistemology starts at the beginning of XX century in France and defines itself as “a philosophical reflection on the history of science”[1, p. 931]. Gaston Bachelard, one of the pioneers of the project, considered its goal in reforming classical Cartesian and Kantian rationalism, presuming that it had failed to explain the phenomenon of XX century scientific development. In the context of contemporary debates within analytic philosophy, W. Quine postulates the rationalism vs naturalism dilemma by his project of epistemology naturalized. In the talk, historical epistemology is considered as a potential argument in defense of rationalistic approach towards epistemology against the naturalization of philosophical investigations on knowledge.

Keywords: historical epistemology, rationalism, naturalism, philosophy of science

Противостояние рационализма и эмпиризма как конкурирующих философских течений рассматривается историками философии в качестве одного из базовых конфликтов, повлиявших на развитие европейской и англосаксонской мысли в исследовании сначала познавательного процесса, а впоследствии научного познания и знания. В основании разногласия лежит вопрос об *обосновании* знания: с точки зрения рационализма оно обеспечивается средствами разума (например, логическим рассуждением), с точки зрения эмпиризма – опытом (эмпирическими данными).

В XX веке Уиллард Куайн формулирует данное противопоставление в более радикальной форме, утверждая, что эпистемология как дисциплина

представляет собой «раздел психологии, т. е. естественнонаучной дисциплины» [2, р. 82]. Такая формулировка не могла не вызвать новый виток дискуссии относительно рационалистического и натуралистического подходов к эпистемологии, что скорее обогатило философию, нежели привело к ее теоретической зависимости от какой-либо естественнонаучной дисциплины.

Наиболее важными следствиями данных дискуссий, на наш взгляд, являются следующие: (1) обращение аналитических эпистемологов и философов науки к «континентальным» философским концепциям [3; 4]; (2) появление различных версий «умеренного рационализма» [5], (3) объединение различных теоретических подходов в рамках философии науки (например, прагматизма и априоризма); (4) вопрос об обосновании знания и познавательного процесса был конкретизирован по нескольким направлениям, наиболее интересным из которых, на наш взгляд, становится вопрос об эпистемической нормативности.

Эпистемические нормы, то есть нормы, регулирующие познавательный процесс и обеспечивающие его легитимацию, ассоциируются, в первую очередь, с рационализмом в эпистемологии. В качестве примеров таких норм можно привести картезианские правила метода, кантовские категории, а в более широком смысле – логические законы, на основании которых строится правильное рассуждение. С точки зрения сторонников натурализма недостатки концепции эпистемических норм заключаются в том, что они либо могут быть в конечном счете сведены к эмпирическим данным, либо представляют собой искусственные философские конструкции, навязывающие научному познанию чуждую ему методологию.

В качестве изначального проекта, предложенного Гастоном Башляром в своих многочисленных работах, историческая эпистемология представляла собой программу реформирования классического рационализма для того, чтобы философия (а) смогла объяснить феномен современной науки через историю ее развития и (б) не навязывала бы науке свои собственные (устаревшие) представления о природе познавательного процесса¹. И тем не менее, несмотря на явный крен в сторону натурализма (что включает ее в общий тренд развития эпистемологии XX и XXI веков), историческая эпистемология является одним из видов рационалистических эпистемологий. И тогда вопрос об эпистемических нормах становится (хотя и не всегда эксплицитно) одним из ключевых, так как нормативность познавательного процесса – теоретическая основа рациональности. Здесь мы хотели бы обратить внимание на два базовых момента, которые, на наш взгляд, представляют собой основной теоретический вклад исторической эпистемологии в философские исследования познания.

¹ Стоит отметить, что вопрос о том, насколько «классический рационализм», критикуемый историческими эпистемологами, соответствует реальным концепциям как версиям Декарта и Канта, так и более современным концепциям (в частности, Эмиля Мейерсона) остается дискуссионным.

(1) Принципиальная историчность познавательного процесса, которая, в свою очередь, предполагает качественный прогресс знания (прежде всего, научного). Основанием перманентного прогресса науки является (2) изменчивость познавательных методов, которая заключается, прежде всего, в пересмотре базовых понятий, т. е. в приращении смыслов, позволяющих как получить новые эмпирические данные, так и пересмотреть и заново проинтерпретировать уже имеющиеся. Здесь, опять же, историческая эпистемология находится в современном тренде рационалистически ориентированных эпистемологий, основной проблемой которых становится проблема обоснования *изменения* эпистемических норм без радикальной релятивизации последних¹. Появление, трансляция и изменение эпистемических норм здесь обосновывается с помощью особого статуса историчности научного познания. Эта историчность не тождественна хронологии научных открытий, не является она и линейным развитием, равно как и кумулятивным накоплением научных теорий или опытных данных. Историчность науки – это то, что эпистемолог восстанавливает, погружаясь в исторические исследования, находя в разрозненных событиях и текстах теоретический каркас изменения смыслов базовых научных понятий и теорий, устанавливая их причины и следствия, а также препятствия, лежащие на пути научного прогресса.

Таким образом, историческую эпистемологию в ее различных версиях можно рассматривать как одну из потенциальных альтернатив эпистемологиям натуралистического толка. Более того, историческую эпистемологию можно включить в плеяду различных концепций умеренного рационализма, «релятивизирующих» классические понятия рационалистической философии, но не отказывающихся от эпистемической нормативности. Основное ее преимущество, позволившее исторической эпистемологии трансформироваться и отвечать на теоретические вызовы со стороны натурализма, является ее принципиальная гибкость и адаптивность к различным философским подходам и инструментариям: сохраняя примат рационального над эмпирическим в вопросе об обосновании познания, она способна освоить методологические приемы и программы таких гуманитарных направлений как прагматизм, социальная эпистемология, социология знания и т. д. Возможность и потенциальная продуктивность совмещения исторической эпистемологии с данными направлениями, на наш взгляд, представляется вопросом, заслуживающим более пристального внимания.

Литература

1. Braunstein J.-F. Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le «style français» en épistémologie // Les philosophes et la science. – Paris: Gallimard, 2002. – p. 920-963.

¹ В современной аналитической философии можно условно выделить два подхода к решению данной проблемы: (1) прагматический, предложенный К. И. Льюисом и (2) более поздний семантический, основанный на лингвистическом анализе (Дж. Кац, К. Пикок и др.).

2. Quine W. V. O. Epistemology Naturalized // Quine W. V. O. Ontological Relativity and Other Essays. – New York: Columbia University Press, 1969. – P. 69–90.
3. Bonjour L. In defense of pure reason: a rationalist account of a priori justification. – Cambridge, New York, 1998. – 248 p.
4. Stump D. Conceptual Change and the Philosophy of Science: Alternative Interpretations of the A Priori. – New York and London: Routledge, 2015. – 194 p.
5. Peacocke Ch. Explaining the A Priori: The Programme of Moderate Rationalism // Boghossian P., Peacocke Ch. (ed.) New Essays on the A Priori. – Oxford, New-York, 2002. – P. 255–285.

История объективности и ее герои¹

Столярова О. Е.

*кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт философии РАН
(г. Москва, Россия)*

УДК 165.12

В докладе рассматривается история объективности как эпистемической ценности научной культуры, рассказанная Л. Дастон и П. Галисоном в их совместной книге [3]. Ставятся вопросы о действующих лицах истории объективности, о том, кто является субъектом этой истории как философской истории науки, о применимости к этой истории гегелевской классификации историографии.

Ключевые слова: история и философия науки, историческая эпистемология, объективность, философия истории, научные атласы, изобразительные технологии, эпистемические ценности, наука как практика и культура.

A History of Objectivity and Its Heroes

Stoliarova O. E.

*Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher
Institute of Philosophy RAS
(Moscow, Russia)*

The paper considers a history of objectivity as presented in the book by L. Daston and P. Galison [3]. Who are the actors in the history of objectivity? Who is the main subject that changes itself through the progression of history of science? Is Hegel's classification of historiographies applicable to the history of objectivity?

Keywords: history and philosophy of science, historical epistemology, objectivity, philosophy of history, scientific atlases, imaging technologies, epistemic values, science as practice and culture.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы».

С точки зрения Гегеля, существуют три вида историографии: 1) первоначальная история, 2) рефлексивная история и 3) философская история [1, с. 57]. Первоначальная история имеет дело со множеством персонажей, ибо она придерживается фактов в своем стремлении описать те или иные события, как они на самом деле происходили. Главный герой рефлексивной истории – это сам автор, историк. Автор истории подходит к тем или иным фактам с определенными принципами, критическими или назидательными установками, которые подчиняют себе исторический материал, воплощаются в нем. У философской же истории, если следовать Гегелю, – свой главный герой. Для нее «субстанциальным является дух и ход его развития» [1, с. 70]. В данном случае Гегель продолжает традицию, которая идет еще от Аристотеля, утверждавшего, что у любого изменения должен быть субъект изменения, иначе «изменению уже не во что произойти, ибо все свойства имеются уже у всех вещей» [2, с. 132], все уже имеется в наличии. Действительно, изменение предполагает процесс перехода в противоположное – от того, чего еще нет, к тому, что уже есть, и, следовательно, предполагает точку отсчета – неизменного субъекта изменения, носителя начального и конечного состояний, способного вследствие разности этих состояний к развитию. Что же касается круговой соотнесенности противоположностей, постулируемой диалектиками, с которыми спорил Аристотель, то она избегает точки отсчета и рисует величественную, но статичную картину *одновременной* связи всего со всем.

Авторы *Объективности* рассказывают нам философскую историю одноименной основополагающей ценности научного познания. Исторический материал, в котором воплощена идея объективности, – это научные атласы. Научные атласы, хранилища научных объектов, отсылают к эмпирической онтологии, которая выступает результатом определенной культуры зрительного восприятия, а за нее отвечают научные атласы и способы их создания. Атласы, таким образом, – не только следствия, но также «визуальные основания, на которых покоятся дисциплины, чей главный метод – наблюдение» [3, с. 48], не только предикаты какого-то иного *становящегося* субъекта, например, научной теории, но также субъекты, по отношению к которым иные действующие лица выступают в роли предикатов. В этой схеме всеобщего опосредования авторы сознательно уклоняются от редукционизма и ведут исследование по кругу: анализируя собрания научных изображений и, следовательно, способов наблюдения, они стараются понять а) культурную матрицу – «объективность», которая сформировала данный тип зрительного восприятия, равно как и б) влияние, которое атласы и изобразительные технологии оказали на самоопределение ученого, методологию науки (оценку методов получения достоверного знания) и онтологию (решения относительно того, какие виды вещей содержатся в мире). И поскольку точка отсчета в такой схеме, по всей видимости, отсутствует, или, что одно и то же, за нее можно принять любой элемент, то возникает вопрос о закономерности *диахронического* среза этой схемы. Поставим вопрос

иначе: какие сущности выступают героями истории, которую рассказывают авторы *Объективности*, и есть ли у этой истории главный герой? И, если исходить из классификации Гегеля, то к какому типу историографии следует отнести *Объективность*? Или классификация Гегеля вообще не годится для этой истории? Если не годится, то почему?

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993. – 479 с.
2. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. – СПб.: Алетейя, Киев: Эльга, 2002. – 654 с.
3. Daston L., Galison P. Objectivity. – N.-Y.: Zone Books, 2007. – 501 p.

Модусы нормативного и дескриптивного подходов в исторической эпистемологии: потенциал, модели, текстовые источники

Фахрутдинова А. З.

доктор философских наук, доцент

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС

(г. Новосибирск, Россия)

УДК 167.7

В контексте различения нормативного и дескриптивного подходов в эпистемологии рассматриваются три проблемы. Первая – вопрос о связи дескриптивного подхода и релятивизма. Исследуются варианты сочетания этих установок. Вторая проблема – конфигурация дескриптивных и нормативных векторов в рамках одной концепции. Третья – проблема определения специфики исследовательских позиций в историко-научном анализе, сути дескриптивного и нормативного подходов в каждой из них, определения текстовых источников их формирования.

Ключевые слова: дескриптивный и нормативный подходы, релятивизм, исследовательские позиции, текстовые источники

Moduses of normative and descriptive approaches in historical epistemology: possibility, models, text sources

Fakhrutdinova A. Z.

Doctor of Philosophy Science, Associate Professor

Siberian Institute of management – branch of RANEPA

(Novosibirsk, Russia)

Three problems are considered in the context of distinguishing between normative and descriptive approaches. The first is the question of the relationship between descriptive approach and relativism. The moduses of combining these approaches are discussed in this article. The second problem concerns the question of combination of descriptive and normative frameworks within the same

concept. The third problem relates to the definition of essence and status of research positions in historical and scientific analysis, the essence of descriptive and normative approaches in each of them, detection the text sources of their formation.

Keywords: descriptive and normative approaches, relativism, research positions, text sources

Представления о нормативном и дескриптивном подходах в исторической эпистемологии используются Э. Агасси, Б. Латуром и др. С точки зрения Агасси, нормативный подход является предварительным и фиксирует исходный концепт знания, а также определение того, «каким требованиям должно удовлетворять то, что мы хотели бы квалифицировать как знание. Дескриптивный аспект состоит в выяснении того, как добывается знание, какими шагами, при каких условиях и согласно каким критериям можно убедиться в его получении» [1, С. 64].

Исследование исторической эпистемологии в данном контексте предполагает ряд проблем. Первая из них – соотношение дескриптивного подхода и релятивизма. Казалось бы, дескриптивная установка, представленная, например, в работах социологов науки, Т. Куна, Б. Латюра, А. Койре, и др. однозначно приводит к релятивистским выводам. Однако, эта связь отнюдь не столь непреложна. Рассмотрим конкретные решения проблемы релятивизма (и связанной с ней проблемы реализма) в их сочетании с дескриптивным (историческим) подходом. Так, в работах Г. Башляра мы обнаруживаем установку на объединение рационализма и реализма. Знание, реализующее новые основания, не отрицает предыдущего знания, но позволяют освещать «обратным светом темные места неполных знаний» [2, С. 33].

Акцентирование дескриптивного подхода обнаруживаем мы и в концепции Ж. Кангийема: он проявляется в критике кумулятивизма и телеологизма, требовании учитывать «культурное обрамление» науки. Можно зафиксировать и движение к релятивизму – слишком жесткое разграничение предмета науки и реальности, нечеткое различение науки и научной идеологии. Вместе с тем, Кангийем не отказывается от идеи объективности и оценки знания с позиции подлинной научности. Это с очевидностью следует из сформулированной им цели эпистемологии: выявить условия формирования понятий, теоретических позиций, с точки зрения сохранения статуса науки за активно действующим прошлым и устранения ложных идей. Наличие оценочной составляющей демонстрирует и тезис о приемлемости модели школы или суда в качестве методологической основы исторической эпистемологии.

Не столь однозначен релятивизм и в работах Б. Латюра и С. Вулгара, которых ряд ученых даже относили к приверженцам сильной версии социального конструктивизма. Латур и Вулгар утверждают, что историческая обусловленность и изменчивость научного знания не означает, что любые утверждения признаются одинаково ненадежными. Также, по их мнению,

первоначально ученые имеют дело только с утверждением об объекте, но в процессе стабилизации факта они начинают иметь дело с самим объектом. Таким образом, они говорят о конструировании не онтологической, а научной реальности. По справедливому замечанию Ю. С. Моркиной, в работах Латура и Вулгара представлен конструктивизм и релятивизм методологический, а не онтологический [3, С. 146].

Конечно, в ряде работ связь дескриптивизма и релятивизма представлена более явно. Это относится, скажем, к концепции Э. Мейжер. С релятивистских позиций Мейжер рассматривает исторические типы знания (в том числе алхимию, механистическую химию и др.) как равноценные. В работах А. Койре не различены с позиций «научного» и «ненаучного», степени соответствия реальности, например, философские установки (пифагорейско-платоновские идеи) и теория движения Галилея.

Подчеркнем, однако, что ряд исследователей, реализующих дескриптивный подход, просто выносят вопрос об истинности научного знания за скобки. Так, М. Фуко писал о нейтральности «археолога» в вопросах оценки знания и незаинтересованном в этом смысле описании эпистем. По сути дела за скобками исторического исследования остается проблема релятивизма и в «Структуре научных революций» Т. Куна¹.

Вторая проблема, заслуживающая внимания в контексте различения нормативного и дескриптивного подходов – возможные сочетания последних в рамках одной концепции. Во-первых, возможен ли дескриптивный подход в чистом виде? Без вводных нормативного характера? Исходя из интерпретации этих подходов Э. Агасси, взятых мною за исходные, по-видимому, нет. Никакое историческое описание невозможно – если мы отнесем к эпистемологии те выводы, которые она делает по отношению к другим наукам – без теоретических моделей, носящих нормативный характер, будь то модель научного знания, отклонения от которой затем фиксируются, или модель исторического исследования (например, «историческое априори» у М. Фуко).

Другой аспект этой проблемы – нормативное влияние образа исторически понятой науки, на социум в целом и на науку в частности. Это влияние, называемое политическим, изучает, например, С. Фуллер. В данном контексте наиболее интересны исследования того, насколько релятивизм, зафиксированный в эпистемологии, оказывает (или не оказывает) влияние на этос ученого.

Третья проблема – вопрос о различении, по крайней мере, трех позиций историко-научного анализа: исследователя, фиксирующего научную практику и её рефлексию; исторического эпистемолога, реализующего надрефлексивную позицию и выясняющего истоки и факторы теоретических и идеологических выводов ученого; метаэпистемолога, решающего вопрос об особенностях, условиях развития, статусе и задачах исторической

¹Этот дискурс возникает только в ходе дальнейших обсуждений

эпистемологии. Несмотря на реальный синтез этих позиций в конкретных концепциях, эти дистинкции позволяют не только более четко рассмотреть вопрос о релятивизме и реализме (как это сделано, например, в цитированной работе Ю. С. Моркиной), но и определить специфику текстовых источников, адекватных каждой позиции. Так, при описании рефлексии ученого, очевидно, не обойтись без анализа эпистолярного наследия, коммуникаций и дискуссий ученых. Исследования эпистемолога добавляют к этому списку теоретические источники, тексты по истории культуры, развития других научных дисциплин и т. п. Важным вопросом является и выяснение сути дескриптивного и нормативного подходов в рамках каждой позиции. Так, если нормативный компонент в практике ученого будет представлен этосом ученого – стремлением к объективности и получению истинного знания, то применительно к уровню эпистемологического анализа – моделями научного знания или научного метода. Детальное исследование специфики анализа в рамках представленных дистинкций должно быть развернуто в дальнейшем.

Литература

1. Агасси Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 58–66.
2. Башляр Г. Новый рационализм: пер. с фр./ Предисл. и общ. ред. А. Ф. Зотова. – М.: Прогресс, 1987. – 376 с.
3. Моркина Ю. С. Конструктивизм Б. Латюра и С. Вулгара – на пересечении научных дисциплин // Эпистемология и философия науки. – 2010. – №2. – С. 130–147.

Историческая эпистемология как феномен современности¹

Шапошникова Ю. В.

кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет

(г. Санкт-Петербург, Россия)

УДК 168

Довольно обстоятельно фундированная в западной традиции и еще требующая разработки на отечественной почве относительно новая дисциплина «историческая эпистемология» является объектом непрекращающихся дискуссий относительно своего предметного содержания, методологического инструментария и оригинальности. Отдельной темой в периодической литературе является утверждение отсутствия необходимости в новом понятии «историческая эпистемология» как таковом, а также доказательство вторичности обозначаемого этим понятием. Между тем, справедливее будет признать историческую эпистемологию результатом

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы»

развития эпистемологической мысли конца XIX-XX вв. и подлинным феноменом современности.

Ключевые слова: историческая эпистемология, современность, историческое мышление, универсальность научного знания

Historical epistemology as a phenomenon of contemporaneity

Shaposhnikova Yu. V.

Candidate of Philosophical Science

St Petersburg State University

(Saint Petersburg, Russia)

The relatively new discipline of historical epistemology, quite thoroughly founded in the Western academia and still needing consideration and evaluation in the Russian scientific tradition, constitutes an object of ongoing discussions regarding its substance, methodological apparatus and originality. A number of authors of scientific periodicals (Yves Gingras, etc.) claim that historical epistemology is a new name for an old approach and that the designated discipline lacks authenticity. Meanwhile, historical epistemology should be recognized as the result of the development of epistemological thought of the late 19-20 c. and the true phenomenon of modernity.

Keywords: historical epistemology, contemporaneity, historical thinking, universality of scientific cognition

Несмотря на еще недавние дискуссии в периодической литературе вокруг легитимности введения в употребление понятия «историческая эпистемология», ставящие под сомнение самостоятельность предметного содержания данной дисциплины, а также оригинальность ее методологического инструментария¹, историческая эпистемология завоевывает устойчивое место в современной академической среде. Соответствующая дисциплина преподается в западных университетах², проводятся исследования, ссылающиеся на историческую эпистемологию как на методологическую основу используемых ими принципов и подходов. Чем объяснить возрастание значимости и, соответственно, популярности исторической эпистемологии, несмотря на до сих пор неразрешенную проблематичность данного способа исследования научного знания?

По-видимому, востребованность исторической эпистемологии и, несмотря на все дискуссии и возражения, укрепление ее позиций следует объяснить тем, что она наиболее адекватна современным тенденциям и требованиям к характеру интерпретации научного знания.

¹См., например, статью Ива Жингра (Ives Gingras. Naming without necessity: on the genealogy and uses of the label “historical epistemology”. <http://www.chss.uqam.ca/Portals/0/docs/articles/2010-01.pdf>).

²Например, в Университете Мельбурна (the University of Melbourne) и ряде других.

Кратко описать черты современной эпохи непростая задача, однако совершенно очевидно, что наблюдаемые в различных сферах социальной, культурной и политической жизни толерантность, плюрализм мнений, расширение объема и размывание строгости понятий и определений, отсутствие однозначных критериев оценки и суждения, предпочтение частного универсальному, а также смещение внимания с объекта на субъект познания и деятельности в значительной степени отражают черты современной эпохи.

Напомним, что для новоевропейского мировосприятия, напротив, конституирующее значение имела скорее идея единства и универсализма познания. Данное положение доказывают, например, научные искания Лейбница, состоящих в поиске «универсальной характеристики» и намерении создать «универсальный язык». Кроме того, в эпоху Нового времени еще не утратил своей актуальности идеал устроения единой церкви, в осуществлении которого столетием ранее видел свою задачу Н. Кузанский. Совершенно очевидно, что и спор рационалистов с эмпириками был вызван поиском единого источника единого и единственно истинного знания, иначе и спор был бы невозможен.

Что касается исследований науки, то идеал универсализма, свойственного новоевропейскому идеалу рациональности, наиболее наглядно был реализован в философских трудах Г. В. Ф. Гегеля, видевшего необходимым снятие «исторического» в качестве необходимого шага в постижении предмета. Если для Гегеля историческое имело характер случайного, то для исторической эпистемологии смысл, логика и своеобразие научного познания раскрывается как раз в историческом. Изменчивое, преходящее и частное представляется отныне наиболее продуктивным, наиболее богатым содержанием.

Попытки нивелировать самостоятельное значение исторической эпистемологии, указания на ее несомненную укорененность в традициях французской эпистемологии и исторического материализма и непризнание за ней собственного онтологического статуса, таким образом, не попадают в цель. Актуальная задача исследователя состоит скорее в том, чтобы увидеть в исторической эпистемологии результат некоей тенденции, возникшей в области исследования науки в конце XIX – начале XX столетия и только теперь оформившейся, а, следовательно, распознать в ней феномен современности.

Историческая эпистемология: от текстов к контекстам¹

Шиповалова Л. В.

доктор философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)

УДК 165.12

В докладе предлагается обратиться к контекстам современной исторической эпистемологии, при этом в фокусе оказывается значение идеи кризиса научных репрезентаций. Именно эта идея может служить одним из условий понимания дисциплинарных границ современной исторической эпистемологии, ее существенных характеристик.

Ключевые слова: научные концепты, наука как представление, воображение, творчество.

Historical Epistemology: from the Texts to the Contexts

Shipovalova L. V.

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

The paper considers the contexts of the modern historical epistemology and investigates the crisis of science representations providing the conditions for its emergence. This investigation helps to determine disciplinary borders of historical epistemology and its main objectives.

Keywords: scientific concepts, science as representation, imagination, creativity.

Несмотря на возможность с большей или меньшей точностью идентифицировать некоторые современные тексты как принадлежащие к области исторической эпистемологии [1; 2; 3], несмотря на развернутую рефлексию основных проблем этого достаточно нового направления исследований [4], его дисциплинарные границы, а также существенные черты остаются не до конца определенными. Более того, часто возникают сомнения в том, представляет ли собой историческая эпистемология новый проект, отличающийся от истории науки, а также от исторической рефлексии оснований знания и познавательной деятельности, свойственной еще поспозитивистской традиции философии науки (Т. Кун, И. Лакатос и др.) или французской школе истории и философии науки (Г. Башляр, Ж. Кангийем, А. Койре, Э. Мейерсон и др.) [5].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы».

Для того чтобы развеять указанные сомнения и определить существенные характеристики современной исторической эпистемологии в докладе предлагается обратиться к контекстам ее возникновения. При этом подчеркивается взаимосвязь социального и интеллектуального контекстов, которая выражается в так называемом кризисе научных репрезентаций, то есть критическом отношении к науке как теоретическому представлению или репрезентации реальности (Н. Картрайт, Я. Хакинг, Р. Рорти). Направления этой критики различны, однако в данном случае можно отметить то, что она возникает отчасти как ответ на подчеркивание постпозитивистской традицией философии науки дисконтинуальности развития научного знания, связанной с многообразием его теоретических каркасов или концептуальных оснований. То есть возникновение критики науки как представления – конкретное событие в ряду исторических трансформаций второй половины XX века. Диагностика кризиса научных репрезентаций не ограничивается констатацией неполноты отношения к науке как к «представлению» или «знанию», она включает, во-первых, описание конкретных научных практик, которые лежат по ту сторону или дополняют стратегии репрезентативизма, и, во-вторых, предложение способов выхода из кризиса с сохранением статуса репрезентаций [6]. В самом общем виде идею кризиса научных репрезентаций можно понять как освобождение науки (и ее исследований) от власти определенной нормативности, догматически заданных базовых научных концептов, раз и навсегда предположенного определения инвариантных научных объектов.

Одним из следствий этого освобождения можно считать и современную историческую эпистемологию, представляющую собой такого рода эмпирическое исследование науки, где не происходит отказ от научных концептов и объектов, от научной нормативности вообще, но где история оказывается необходимым пространством их (концептов, норм и объектов) конструирования и пересборки. В этом смысле рассматриваемый проект можно соотнести с действием кантовской способности воображения, схематизирующей без понятий. Благодаря такому пониманию основной задачи исторической эпистемологии, ее можно отличить от истории науки, которая либо исходит из более или менее выраженных концептуальных и методологических допущений, либо представляет собой нарратив, не претендующий на рефлексивность при описании смены научных оснований. Также такого рода подход отличается от прежних версий философского исследования науки, учитывающих значимость ее истории (французской, позитивистской, марксистской), явным образом базирующихся на понимании того, что следует считать наукой и существенными характеристиками ее элементов или же на отрицании их единого истолкования. Проект современной исторической эпистемологии можно назвать практикой исторического познания, или исторической практикой познания, имеющей целью творчество оснований науки.

Литература

1. Daston L., Galison P. Objectivity. – New York: Zone Books, 2007 – 504 p.
2. Davidson A. I. The emergence of sexuality: Historical epistemology and the formation of concepts. – Cambridge: Harvard University Press, 2004. – 272 p.
3. Rheinberger H. J. Towards a History of Epistemic Things. – Stanford, 1997. – 340 p.
4. Nasim O. Was ist historische Epistemologie? // Nach Feierabend. Ed. by M. Hagner and C. Hirschi. – Zurich, Berlin: Diaphanes, 2013. – P. 123–144.
5. Gingras Y. Naming without necessity. On the genealogy and uses of the label «historical epistemology» // Revue de Synthèse. – 2010. – T. 131(3). – P. 439–454
6. Representation in Scientific Practice Revisited / Coopman C., Vertesi J., Lynch M., Woolgar S. (eds.). – Cambridge Mass. & London: The MIT Press, 2014. – 384 p.